

«Воодушевление» охватывало участников путешествия и в других местах. В Кременчуге состоялись большие маневры («блистательный смотр войск»²⁵); татарская конница сопровождала Екатерину (в качестве почетной охраны) от Перекопа; демонстрировалось как регулярное, так и иррегулярное войско, в частности калмыцкие полки, и т. д.

Третий мотив, который, подобно флоту и армии, воплощался зримо и наглядно — это мотив цивилизации. Все знали, что Новороссия совсем недавно была присоединена к империи Екатерины II; что это пустынная степь, без городов, дорог, без оседлого населения. Целью Потемкина было продемонстрировать, что этот обширный край уже практически цивилизован или по крайней мере энергично цивилизуется.

«Признаюсь, что я был поражен всем, что видел, — писал граф де Людольф, — мне казалось, что я вижу волшебную палочку феи, которая всюду создает дворцы и города. Палочка князя Потемкина могущественна, но она ложится тяжелым гнетом на Россию. . . Вы без сомнения думаете, друг мой, что Херсон пустыня, что мы живем под землей; разуверьтесь. Я составил себе об этом городе такое плохое понятие, особенно при мысли, что еще восемь лет тому назад здесь не было *никакого* жилья, что я был крайне поражен всем, что видел. . . Князь Потемкин. . . бросил на учреждение здесь города семь миллионов рублей». И дальше следуют похвалы «кремлю», домам, планировке улиц, «саду императрицы» («в нем 80 тысяч всевозможных плодовых деревьев, которые процветают»²⁶), построенному для императрицы дворцу, верфи и т. д.

Даже упомянутый выше Иоанн-Альберт Эренстрем, апологет мифа о «потемкинских деревнях», вынужден был сделать оговорку, которая свела на нет все его инвективы по адресу новороссийского наместника. От инвектив автор переходит к похвалам «более существенных предметов для глаз»²⁷ — триумфальных ворот в городах, арсеналов, красивых каменных и деревянных домов и дворцов, крепостей и т. п.

Символом цивилизаторских усилий стала закладка Екатеринослава; это произошло тотчас же по приезде императора Иосифа II, на другой день. Не все в этой церемонии удалось Потемкину так, как он задумал. В частности, не успела прибыть из Берлина гигантская статуя Екатерины. Но грандиозность планов Потемкина и без того поражала воображение. После того как в походной церкви (т. е. в шатре, раскинутом на берегу Днепра) отслужили молебен, два монарха заложили первый камень в основу екатеринославского собора.

Согласно проекту, он должен был походить на собор св. Петра в Риме. Существуют достоверные рассказы, что Потемкин при-

²⁵ Русский архив, 1897, № 10, с. 240.

²⁶ Русское обозрение, 1892, март, с. 170, 172, 175.

²⁷ Русская старина, 1893, июль, с. 12.